

А. В. КИВА.

В. А. ФЕДОРОВ

Анатомия терроризма

Как часто случается в жизни, трагические события 11 сентября 2001 года - разрушение членами возглавляемой У. Бен Ладеном международной террористической организации "Аль-Каида" двух небоскребов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и гибель около 2 тыс. невинных людей - стали причиной и поводом действий или заявлений о намерениях тех или иных стран и правительств. На этом фоне в очередной раз активизировалась дискуссия о содержании терминов "терроризм" и "международный терроризм". Политики в различных государствах, в особенности американская администрация, стали подгонять под эти понятия все, что угодно, трактуя их подчас уж слишком широко и вольно. Целые страны, возможно и не с самыми цивилизованными (если не сказать, одиозными) режимами, без веских на то оснований стали рассматривать как рассадники международного терроризма и причислять к "осям зла", заслуживающим наказания. При таком подходе реальной опасностью может стать не призрак международного терроризма там, где его нет на деле, а произвол, попирающий нормы международного права.

Каким бывает терроризм

Бытует мнение, что международное сообщество пока не дало четкого определения данного феномена. Такое определение, действительно, трудно сделать, поскольку мешают субъективная оценка того или иного события, которое - акт террора либо только внешне на него похожее, будучи на деле диверсией, т.е. одним из видов военных операций. Это равнозначно тому, как называют человека, праведными и неправедными методами добывающего важную информацию для своей страны: "свои" - разведчиком, а "чужие" - шпионом. Аналогичным образом, для одной стороны взрыв автобуса, в котором ехали солдаты, это акт террора, а для другой - акт возмездия "агрессорам", "оккупантам".

В одном из последних изданий Большого энциклопедического словаря приводится следующее определение: "Террор (терроризм) (лат. *terror*— страх, ужас), насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников, убийства и др.) с целью устрашения, подавления политических противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения. Различают индивидуальный и групповой террор (например, действия экстремистских политических группировок) и государственный террор (репрессии диктаторских и тоталитарных режимов). В 1970-1990-х годах XX века получил распространение международный терроризм (убийства или похищения глав

К и в а Алексей Васильевич - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Ф е д о р о в Владимир Алексеевич - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник того же института.

иностранных государств и правительств, их дипломатических представителей, взрывы помещений посольств, миссий, международных организаций, взрывы в аэропортах и вокзалах, угон воздушных судов)" [Большой... 1997, с. 1197].

Определение терроризма, приводимое в БЭС, выглядело бы бесспорным, если бы не одна проблема: как провести по возможности более или менее четкую грань между актами террора и актами диверсий, что, конечно же, не одно и то же при всей их внешней схожести. Такое разграничение оказывается делом куда более сложным. Войны, к сожалению, продолжают, в том числе национально-освободительные, хотя их пик остался далеко позади с уходом в небытие колониальных империй. А любая война не обходится без диверсий, о которых в БЭС как раз сказано весьма скупо: "разрушение или повреждение путем взрыва, поджога или иным способом различных объектов с целью нанесения ущерба враждебной стороне" [Большой... 1997, с. 355]. На деле это может быть и закладка мин ради уничтожения боевой техники и живой силы противника, и взрыв складов боеприпасов, и разрушение мостов, железнодорожных путей, других линий коммуникаций, и действия специально засланных команд в тылу противника с целью уничтожения штабов, командных пунктов, узлов связи и т.д.

Естественно, во время диверсионных операций нередко гибнут и мирные люди, но диверсия - это не терроризм, а один из видов борьбы с противником, хотя, подчеркиваем, таковым обычно называет ее противоборствующая сторона. Известно, например, что в ходе Второй мировой войны гитлеровское командование всех борцов против фашизма, будь то на территории СССР, Франции, Италии или Югославии, называло террористами, притом, что сами гитлеровцы широко практиковали не только массовый террор, но и геноцид. Преднамеренное уничтожение мирного населения и объектов невоенного характера (жилых домов, предприятий гражданского назначения, скота, посевов и пр.) в ходе любого вооруженного конфликта и любой стороной, в том числе обороняющейся или борющейся за национальную независимость, против оккупантов и пр., есть террор, которому нет оправдания.

В качестве примера можно привести ставший известным всему миру случай, когда в 1968 году в ходе войны США во Вьетнаме¹ американское подразделение расстреляло около 500 жителей деревенской общины Сонгми, сожгло постройки, уничтожило домашний скот и посевы [Большой... 1997, с. 1127]. И совсем свежий пример - гибель многих мирных жителей по прямой или косвенной вине бывшего президента Югославии С. Милошевича и ряда военных руководителей этой страны во время гражданской войны, что стало предметом разбирательства Международного уголовного суда в Гааге. Вообще-то, все крупные военные конфликты, включая две мировые войны, были полны случаев террора, направленного как на уничтожение гражданских объектов, так и непосредственно против мирного населения. Часто за ними стояла политика государства, что дает право говорить именно о государственном терроризме. И, к сожалению, его практиковали не только диктаторские и тоталитарные режимы, как говорится в БЭС, но и вполне демократические страны², не отказывающиеся от актов государственного террора и в наши дни. Это и массированные бомбардировки англо-американской авиацией жилых кварталов Триполи в

¹ К слову, эту войну разные авторы также квалифицируют по-разному: одни - как агрессию США и их союзников против ДРВ, другие - как помощь Южному Вьетнаму в его борьбе с агрессией Северного Вьетнама, поддержанного Китаем и СССР.

² К действиям такого рода можно отнести, например, и массированные бомбардировки англо-американской авиацией Дрездена (в котором, и это было заведомо известно, не было никаких важных военных объектов, но огромное скопление беженцев), и атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, тоже не имевших важных в военном отношении объектов. Да и депортацию властями США в годы Второй мировой войны американцев японского происхождения, со стороны которых не было замечено случаев работы на милитаристскую Японию, можно поставить в этот же ряд.

1986 году (тогда погибли и члены семьи лидера Ливии М. Каддафи), и ставшие известными многочисленными попытки западных спецслужб, в первую очередь ЦРУ, физически устранить Ф. Кастро (да и того же Каддафи), и многое другое. Возможно, подпадает под понятие "террор" и целенаправленное разрушение гражданских объектов в ходе военной операции стран НАТО против Югославии. Иначе говоря, широко распространенное мнение о том, что террор - оружие слабых, если и верно, то только отчасти.

Что уж в таком случае говорить о войнах между государствами, находящимися на более низкой ступени развития и даже между отдельными народами одной и той же страны: массовый террор, как и государственный терроризм, является тут скорее правилом, чем исключением. Достаточно вспомнить Камбоджу (Кампучию), Уганду и Центрально-Африканскую Республику (Империю) во время правления, соответственно, Пол Пота, Иди Амина и Ф. Бокассы, или обратиться практически к любому крупному конфликту между разными этносами в африканских странах, например между хуту и тутси в Бурунди и Руанде, - все эти события сопровождались массовым террором.

Таким образом, по составу и характеру участников террор может быть индивидуальным, групповым и государственным, а по своим целям - криминальным и политическим. Он может обрести и международный характер и тоже в тех же двух разновидностях (известно, например, что международная наркомафия часто прибегает к актам устрашения). А еще террор может быть коллективным, что имеет место в периоды революций и смут, когда толпа ("вооруженный народ") или военизированные формирования под руководством своих вожakov избивают и убивают "чужих", "неверных", "эксплуататоров-кровопийц", "изменников" и т.д., громят магазины, лавки и пр. Такие погромы - коллективные террористические акты.

Мятежников и наемников не следует путать с борцами за национальное освобождение

Надо признать, что часто и мировое, и российское общественное мнение, выражаемое либеральными СМИ, в целом бывает весьма снисходительным к тем, кто под флагом борьбы за независимость прибегает к террору, в особенности, если это направлено против великой страны. Так, зверства чеченских боевиков во главе с Ш. Басаевым в Буденновске (1995 год) многими представителями российской либерально-западнической интеллигенции и диссидентов-правозащитников расценивались как отчаянный шаг борцов за независимость Чечни в контексте национально-освободительной борьбы чеченского народа. Известный правозащитник С. Ковалев даже назвал Басаева "Робин Гудом с гранатометом", что было равносильно оправданию террора в его самых жестоких формах. С Ковалевым на деле солидаризировались многие либеральные организации и частные лица на Западе. А ведь уже тогда было в принципе известно, что чеченские боевики не только нашли общий язык с центрами международного терроризма, но и стали получать оттуда финансовую помощь. Позже было установлено, что возглавлявший до недавнего времени отряд арабских наемников в Чечне иорданец Э. Хаттаб имел прямые контакты с Бен Ладеном. Надо откровенно признать, что до событий 11 сентября 2001 года на Западе не придавалось должного значения той опасности для мирового, и прежде всего западного сообщества, которую нес с собой крепнувший год от года международный терроризм, опирающийся на огромные финансовые ресурсы, в первую очередь нефтедоллары.

Вот что, например, говорит Чрезвычайный и Полномочный Посол Йеменской Республики в России Абду Али Абдеррахман: "Мы давно предупреждали Запад о том, что террористы перейдут в наступление. Не секрет, что в 1980-х годах немало

представителей йеменской молодежи участвовало в афганской войне³. Затем многие из них вернулись к нормальной жизни на родине, после вывода советских войск из Афганистана, считая свою миссию законченной. Однако политика США на Ближнем Востоке, а также агрессивные действия Израиля побудили часть исламистских группировок к активным действиям как против Запада, так и против правительств арабских стран, например Йемена и Египта. Парадокс в том, что центры этих радикальных группировок базировались на том же Западе". И, как отмечает далее йеменский посол, власти Великобритании, например, отказались выдать главарей террористов. В то же время Абдеррахман говорит, что "осуждая терроризм, мы поддерживаем национально-освободительную борьбу палестинского народа против израильского колониализма, как и право каждого человека на сопротивление оккупации" [Абдеррахман, 2002].

Впрочем, и национально-освободительную борьбу не следует смешивать с вооруженными движениями сепаратистов, мятежников или действиями наемников, для которых война есть не более чем источник существования и способ жизни. При этом не должно вводить в заблуждение то, что и сепаратисты, и мятежники, да и наемники, как правило, называют себя борцами за свободу и независимость. Члены баскской сепаратистской организации ЭТА ("Отечество басков и свобода"), например, именуют себя борцами за независимость "Страны басков", но пока не нашелся ни один разумный политик на Западе, который смог бы объяснить, как эту независимость можно воплотить в жизнь на практике. То же самое относится и к вооруженной борьбе (в основном с помощью террора) сепаратистов Северной Ирландии в условиях, когда большинство ее населения хочет оставаться в составе Великобритании.

Если посмотреть на проблему чеченского терроризма с этой точки зрения, то трудно считать его формой национально-освободительной борьбы ни с юридической, ни с политической, ни с какой-то другой точки зрения. Во-первых, Чечня не была ни колонией, ни полуколонией, она, как и Татарстан или соседние Дагестан, Кабардино-Балкария и Северная Осетия, была и остается *de jure* и *de facto* субъектом Российской Федерации. Во-вторых, то, что произошло в 1991 году, когда нелегитимный, точнее, самозванный Общенациональный конгресс чеченского народа (в нем состояло в лучшем случае несколько тысяч, если не сотен, вооруженных сторонников генерала Д. Дудаева) объявил о государственном суверенитете Чеченской Республики, есть не что иное, как мятеж.

И только слабость тогдашней российской власти и неадекватная оценка упомянутых событий обществом (сформировавшаяся и под влиянием СМИ, которые тиражировали позицию ряда российских демократов, остававшихся в плену ленинского понимания права наций на самоопределение) не позволили поставить на место мятежников. Можно не сомневаться, что если бы какой-то из американских штатов, допустим, со значительной долей негритянского или латиноамериканского населения провозгласил себя независимым, то президент США немедленно бы объявил там чрезвычайное положение и направил бы туда войска. Ведь согласно международным Хельсинкским соглашениям, территориальная целостность государств является неприкосновенной. И, что характерно, ни одна страна мира, кроме Афганистана при правлении талибов, не признала независимость Чечни.

В-третьих, установленный Дудаевым режим сразу же проявил себя как террористический. За самопровозглашением "независимой" Ичкерии тут же последовало массовое насилие по отношению к русскому и вообще нечеченскому (а во многих случаях и чеченскому) населению. Одних сторонники мятежного генерала безнаказанно грабили, других убивали, третьи бесследно исчезали и их квартиры или дома переходили в собственность вооруженных бандитов, женщин насиловали и т.д. В ре-

³Участвовал в ней, как известно, и Бен Ладен, который тогда был связан с ЦРУ, о чем подробнее скажем чуть ниже.

зультате уже в первые годы правления Дудаева из республики бежала большая часть 200-тысячного русского населения, считавшего ее своей родиной. Захваты рейсовых гражданских самолетов и автобусов с заложниками ради получения выкупа, набеги на соседние регионы с целью угона скота и грабежа населения стали визитной карточкой "суверенной" Ичкерии. Все это происходило еще до ввода федеральных войск в Чечню в декабре 1994 года для наведения там конституционного порядка. (То, что это было сделано преступно и бездарно, что повлекло за собой многочисленные жертвы с обеих сторон - другой вопрос.)

В-четвертых, когда под влиянием обстоятельств (в основном связанных с президентскими выборами в России в 1996 году) между федеральным центром и начальником штаба боевиков А. Масхадовым были скоропалительно заключены Хасавюртовские соглашения и Чеченская Республика стала независимой *de facto*, то ситуация не только не изменилась к лучшему, но и резко усугубилась. Чечня явочным порядком стала превращаться в один из центров международного терроризма. Появление огромного числа наемников из арабских и других стран окончательно привело к потере управляемости Ичкерией со стороны ставшего ее вторым "президентом" Масхадова. Реальная власть перешла в руки полевых командиров, фактически поделивших между собой территорию Чечни и нефтяные скважины: каждый из них устанавливал свои порядки в контролируемой им зоне.

Именно в этой обстановке наиболее крупные и хорошо вооруженные отряды Хаттаба и Басаева в сентябре 1999 года по собственной инициативе напали на соседний Дагестан. Расчет их строился на убежденности в том, что при активной поддержке местных экстремистских исламистских организаций они захватят власть в этой республике, проложив путь к созданию на Северном Кавказе исламского государства с ультрарадикальным режимом ваххабитского толка⁴. В подобной ситуации федеральной власти ничего другого не оставалось, как положить конец превращению Чечни в центр международного терроризма, плацдарм агрессии против субъектов РФ при опоре на иностранных наемников.

Мы пересказываем в общем-то хорошо известные факты с единственной целью: показать, что любые вооруженные действия чеченских боевиков, будь то против гражданских лиц или вооруженных сил федерального центра - как федеральных, так и местных сил правопорядка, не имеют никакого отношения к борьбе за национальное освобождение и могут квалифицироваться только как терроризм. Причем терроризм, скорее, бытовой, то есть криминальный, нежели политический. И вооруженные вылазки боевиков, и установка фугасов на дорогах и в общественных местах, и убийства военнослужащих и милиционеров и т.п. - все эти акты носят во многом коммерческий, если можно так сказать, характер. То есть оплачиваются из средств, полученных командирами боевиков от международных террористических и им сочувствующих организаций, перед которыми руководители бандформирований и отчитываются числом и "эффективностью" своих действий. Все это было многократно доказано на основе захваченных у боевиков документов⁵.

Впрочем, сама по себе констатация факта, что в Чеченской Республике имеет место терроризм, мало дает в плане решения данной проблемы. Пока будут оставаться высокая безработица, острейшая жилищная проблема, общая неустроенность и сумятица в головах многих людей, особенно молодежи, с одной стороны, и источники

⁴ К слову, ваххабиты Саудовской Аравии, где это направление ислама является господствующим, решительно отмежевываются от этой ветви ваххабизма, которую проповедуют чеченские и дагестанские сепаратисты.

⁵ По мнению некоторых аналитиков, у чеченских боевиков есть и другие источники доходов. Это - получение средств от действующих в России криминальных группировок из этнических чеченцев, от продажи бензина, получаемого кустарным способом из ворованной нефти, не исключается и финансовая поддержка со стороны легально действующих бизнесменов-чеченцев.

финансирования терроризма - с другой, террор будет продолжаться. Но те, кто в России и за рубежом видит решение всех вопросов в переговорах с боевиками и лично Масхадовым, не учитывают того бесспорного факта, что ни он сам, ни кто-либо другой не имеет контроля над разрозненными и часто враждующими между собой бандформированиями.

Сложнее квалифицировать все то, что происходит с началом открытого вооруженного конфликта между Израилем и Палестинской автономией. Здесь все сплелось в такой тугий узел, что подчас трудно определить, кто прав, а кто виноват, где начинается и где кончается терроризм. С нашей точки зрения, в свое время ошибки были допущены всеми сторонами, прямо или косвенно вовлеченными в конфликт и его урегулирование. И Белым домом, который торопил события, стремясь добиться заключения соглашений между Израилем и Палестинской автономией до начала президентских выборов в США, дабы укрепить позиции кандидата в президенты от Демократической партии. Израильское общественное мнение не было готово к разделу Иерусалима, предусматриваемому указанными соглашениями. И лидером правых А. Шароном, чье появление на Храмовой горе было воспринято палестинцами как открытый вызов. И руководителями Палестинской автономии, которым не хватило смелости, да и мудрости призвать своих сторонников воздержаться от ответных действий. И "русскими", то есть евреями-выходцами из СССР, желавшими, как говорится, быть большими католиками, чем сам Папа Римский, и отказавшими в поддержке тогдашнему умеренному премьер-министру Э. Барак. В каком-то смысле их жесткий подход к палестинцам оказался решающим фактором при выборе Израилем стратегии относительно Палестинской автономии.

В результате мы имеем патовую ситуацию. С одной стороны, боевики, чаще всего "шахиды" (самоубийцы или, точнее, камикадзе), направляемые экстремистскими палестинскими организациями, устраивают теракты в общественных местах, в результате чего гибнут ни в чем не повинные люди, включая детей, женщин и стариков. А с другой - Израиль в ответ подвергает бомбардировкам палестинские города и поселки с целью уничтожения главарей и активистов террористов, взрывает и разрушает бульдозерами здания общественного назначения и жилые дома, которые предположительно используются террористами в качестве своих баз. Естественно, что при этом страдают и мирные люди, дезорганизуется вся жизнь в Палестинской автономии.

Прибегающих к террору палестинских экстремистов в то же время нельзя назвать ни мятежниками, ни сепаратистами, ни тем более наемниками. Самопожертвование не может быть без веры, идей, пусть и иллюзорных, ложных. То, что йеменский посол охарактеризовал как "борьбу палестинского народа против израильского колониализма", не является его выдумкой. Такое понимание ситуации широко распространено в арабском мире. Оправданием законности борьбы палестинцев служит известная резолюция ООН, согласно которой Израиль должен освободить захваченные в ходе войны 1967 года палестинские земли и предоставить беженцам право вернуться к своим прежним очагам.

В то же время никому не надо доказывать, что это нереально. С тех пор как в результате арабо-израильских войн появились первые палестинские беженцы, их количество, увеличившись в несколько раз, в настоящее время превысило численность всего населения Израиля. Равным образом не нуждается в доказательствах и факт, что определенные силы в арабском мире в своих корыстных целях долго и безуспешно разыгрывали "палестинскую карту". Однако верно и то, что Палестинская автономия существует *de facto*, и мировое сообщество во главе с США выступает за создание независимого палестинского государства (что в нынешних условиях тоже трудноосуществимо).

Тот, кто смог бы найти ключ к проблеме, нерешенность которой приносит бедствия палестинцам, будоражит весь арабский мир и не дает нормально жить израильтянам, да еще и генерирует международный терроризм, негативно сказывается на

всей международной обстановке, наверняка заслужил бы право стать лауреатом Нобелевской премии мира. Однако возникает вопрос, с кем Израиллю вести переговоры? Совершенно очевидно, что номинальный руководитель автономии Я. Арафат не контролирует в ней ситуацию полностью. Но она вообще вышла из-под контроля кого бы то ни было: не видно и других палестинских лидеров, кому была бы по плечу эта задача. В принципе, чтобы стало возможным ближневосточное урегулирование, должна произойти смена руководства обеих конфликтующих сторон. Только сколько придется этого ждать и сколько еще будет пролито невинной крови?!

Политический терроризм как универсальный феномен

После трагических событий 11 сентября 2001 года в мировой и российской литературе часто стали говорить о терроризме, предваряя его определением "исламский". Кое-кто сгоряча завел речь о несовместимости западной цивилизации, ориентированной на личный успех, материальное благосостояние, свободу личности и пр., и исламской цивилизации, имеющей якобы застойный характер и отрицающей гражданские права и политические свободы. При этом обычно ссылаются на крупного американского политолога С. Хантингтона, выдвинувшего идею, что после краха системы социализма основные противоречия в мире примут не идейно-политический, а цивилизационный характер.

Подобное мнение, конечно, имеет право на существование, хотя вряд ли оно верно. На деле терроризм - явление универсальное и мало зависит от культурно-цивилизационных особенностей того или иного общества и даже от уровня его развития (хотя в какой-то мере такая зависимость, конечно же, есть). Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на разгул терроризма в определенные исторические периоды в самых разных, в том числе развитых странах. Можно вспомнить, что еще французские социалисты второй половины XIX века культивировали идею поступка, подвига во имя борьбы за социализм - другими словами, идею террора. Потом ее подхватили русские народовольцы и эсеры. Результат общеизвестен: конец XIX - начало XX века ознаменовался для России разгулом террора, в результате которого, по некоторым данным, погибло около 10 тыс. человек. Причем убивали не только министров, градоначальников, высоких жандармских чиновников, но и простых городских и вообще ни в чем не повинных людей, тем или иным образом ассоциирующихся с царским режимом. Затем идею террора, правда, не индивидуального, а коллективного и государственного, подхватили большевики, о чем хорошо известно.

Если взять вторую половину XX века, то политический террор стал обретать международный характер уже в 1960-1980-е годы. В частности, произошла резкая активизация левоэкстремистских сил в различных районах мира (маоистских и троцкистских групп в Азии и Латинской Америке), стремившихся с помощью насилия "расшатать" правящие режимы, создать революционную ситуацию и насильственным путем захватить власть. Однако к концу 1980-х годов "революционный" терроризм, не добившись нигде в мире ощутимых успехов, в основном сошел с мировой политической арены⁶. Но к этому времени от рук террористов погибли премьер-министры Индии: мать и сын Ганди - Индира (1984 год) и Раджив (1991 год). Президент Египта, лауреат Нобелевской премии мира А. Садат был расстрелян террористами-исламистами (1981 год), другой лауреат Нобелевской премии мира, израильский премьер министр И. Рабин - террористом-евреем (1995 год).

⁶ Отдельные его отряды, зачастую переродившиеся в полукриминальные структуры, и сегодня продолжают борьбу (ряд организаций, таких как "Революционные вооруженные силы Колумбии". "Национально-освободительная армия Колумбии", троцкистско-маоистские группы в Перу и других странах Латинской Америки, маоистские группы в Непале, на северо-востоке Индии, на Филиппинах и др.).

Приблизительно в то же время волна террора прокатилась по многим странам Западной Европы. Вспомним "Красные бригады" в Италии, сходные группировки в ФРГ, теракты во Франции, Испании и Великобритании. И даже тихую и благополучную Швецию насилие не обошло стороной. Пал жертвой неизвестного убийцы один из самых талантливых политиков этой страны - премьер У. Пальме (1986 год). Политический террор познала и одна из самых развитых в мире стран - Америка. Один за другим были убиты братья Кеннеди: президент страны Джон (1963 год) и министр юстиции, наиболее перспективный кандидат в президенты Роберт (1968 год). В том же 1968 году расистами был застрелен и один из наиболее выдающихся лидеров движения за гражданские права чернокожих в США М.-Л. Кинг. Недавно имел место и взрыв торгового центра в Оклахоме-Сити, когда погибло около 200 американских граждан. Этот акт, кстати, был осуществлен не "исламским террористом", а "сто-процентным американцем" Т. Маквеем.

Поэтому не очень понятно, на каком основании некоторыми экспертами делаются выводы, что политический экстремизм, рождающий терроризм, особенно распространен в России (см., например [Паин, 2002, с. 114]). Очевидно, здесь имеет место смешение понятия "политический терроризм" с насильственными преступлениями на иной почве - экономической, бытовой и т.д. Отдельные СМИ, по сути дела, любое заказное убийство спешат представить как совершенное по политическим мотивам. На деле же выясняется, что юридически доказать политическую подоплеку даже самых громких заказных убийств политиков (Г. Старовойтова), видных тележурналистов (В. Листьев) или некоторых депутатов и государственных чиновников, как правило, крайне сложно. Террор в России стал производным от гигантского раздела и передела собственности и слабости органов правопорядка, ставшего следствием смены общественного строя и государственности. Сказались и ошибки, допущенные правящими кругами, вопреки логике, нигилистически смотревшими на институт государства.

В действительности Россия не так уж и отличается от европейских стран по части политического экстремизма, хотя такая проблема действительно есть, о чем свидетельствует работа Государственной думы по принятию закона о борьбе с этим уродливым явлением. Популярность десятков радикально-националистических партий в настоящее время ничтожна; имевшие место инциденты - акты насилия скинхедов по отношению к выходцам с Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья, сами по себе отвратительные и недопустимые⁷, по своей масштабности и частоте уступают пока зарубежным аналогам. В благополучной Германии, к примеру, действует куда больше неонацистских групп, чья агрессия направлена против выходцев из Турции и афразиатских стран. Совсем недавно серьезный шок пережила Франция, когда лидер крайне правых Ж.-М. Ле Пен вышел во второй тур президентских выборов (в котором французский электорат, ужаснувшись, исправил ситуацию). Правый радикализм, питающий политический экстремизм, также дал о себе знать в Австрии. Голландии, ряде других европейских стран. И примерно на одной и той же почве - как реакция на наплыв туда выходцев из "третьего мира".

Факторы роста политического терроризма

Моментов, способствующих развитию и распространению этого явления несколько. Во-первых, это определенная экономическая, но что важнее, социально-политическая среда. Оценивая экономический фактор, можно в целом согласиться с Э. Паиным в том, что в бедных, застойных обществах, находящихся на крайне низких уровнях экономического и социального развития, нет ничего похожего на политиче-

⁷ Трудно на деле определить, имеют ли упомянутые инциденты больше расовую или же социальную подоплеку. Ксенофобия вообще не характерна для россиян.

ский терроризм [Паин, 2002, с. 114]. Но вместе с тем его появление имеет больше шансов там, где в обществе богатству незначительного меньшинства сопутствует бесприметная нищета большинства, и царит отчаяние что-либо изменить законным путем. Это же можно экстраполировать и на мир в целом: с одной стороны - "бедный Юг", с другой - "богатый Север". Естественно, что ответ на подобное положение вещей проще всего и политически удобнее найти в формуле: Юг беден, потому что его эксплуатирует Север. Отсюда уже полшага до другого такого же ложного вывода: надо любыми путями заставить Север считаться с интересами Юга.

Во-вторых, террору, если он неслучаен, неединичен, нужен "информационный миф". Хотя развитие вооруженного конфликта между Израилем и Палестинской автономией приняло драматичные формы, вряд ли нашлось бы столько желающих отдать жизнь за "дело арабов Палестины", если бы не сила примера тиражируемых в глобальном масштабе и соответствующим образом интерпретируемых фактов, которые в странах третьего мира уже давно играют роль особого рода "прецедентов". В конечном итоге эффект воздействия таких "медийных мифов" - также одно из последствий глобализации, создающей дополнительные условия для развития международного терроризма за счет интернационализации экономических, общественно-политических и т.п. отношений человеческого бытия. Чтобы уничтожить тот же Международный торговый центр, террористы должны были обладать и большими деньгами (причем находящимися на вполне законных основаниях в банках различных стран, в том числе в США), и возможностями профессиональной подготовки пилотов для совершения указанного теракта, не говоря уже о современных средствах связи и т.д.

В-третьих, это наличие "горячих точек", которые сами по себе часто являются рассадниками насилия. Ни для кого не секрет, что разрастанию политического терроризма способствовали нерешенность ближневосточной проблемы, война СССР в Афганистане, гражданская война в Югославии, да и, честно признаемся, чеченская проблема⁸.

В-четвертых, это появление какой-то захватывающей, а скорее, навязчивой и чаще всего ложной идеи. Для всплеска террора, помимо перечисленных факторов, нужно еще и определенное умонастроение в обществе, которое обычно формируется интеллигенцией. Если террор оправдывается интеллектуальной элитой, значит, он обязательно наберет силу. Тот факт, что за покушение на градоначальника Санкт-Петербурга Ф. Трепова (1878 год) В. Засулич была признана невиновной судом присяжных (под аплодисменты присутствующих), означал, что в российском обществе сложилась благоприятная среда для разрастания политического террора. В некоторых арабских странах, не говоря уже о Палестинской автономии, террор против "израильских оккупантов" считается, как говорили некогда у нас, делом доблести и героизма.

В свое время русских народников и эсеров захватила идея, что с помощью террора можно устранить со сцены, так сказать, наиболее вредоносных государственных деятелей и их пособников, подать пример другим, в конечном итоге расшатать и свергнуть существующий режим. Каддафи в какой-то момент задался целью помочь всем революционным движениям в мире, направленным в первую очередь против Запада и США, под флагом ислама. Благо тогда были огромные доходы от реализации нефти. Бен Ладен, оказавшись во власти идеи исламского мессианства, развернул широкую борьбу с Америкой как основным препятствием на пути реализации этой идеи.

В свою очередь, появились навязчивые идеи и у западных лидеров. В 1960-е годы американская администрация усмотрела страшную угрозу для Американского кон-

⁸ Возможно, терроризму способствует еще и разлитая в обществе агрессия из-за высокой солнечной активности и пр. Во всяком случае многие войны возникали как раз в такие периоды.

тинента в революционной Кубе и ее лидере Кастро. Она решила с этой угрозой покончить раз и навсегда, не останавливаясь перед методами, относимыми к государственному терроризму. Затем "исчадием зла", в борьбе с которым годятся любые способы, стала Ливия, точнее - ее правитель Каддафи, которому *a priori* начали приписывать любые злодеяния (например, взрыв кафе в Бейруте, когда погибли многие американские военнослужащие). Еще одна захватывающая идея - во что бы то ни стало наказать Милошевича за его "преступления против человечности", даже ценою гибели сотен, если не тысяч, людей и разрушения всей системы жизнедеятельности страны. Но если Милошевич по крайней мере попал на скамью подсудимых, то наказание одиозного правителя Ирака (бомбардировки, экономические санкции и пр.) оборачивается наказанием всего народа. Не потому ли арабская "улица" не скрывала своей радости 11 сентября 2001 года, когда TV продемонстрировало коллапс башен в Нью-Йорке?

Террор исламистов (ретроспектива)

1990-е годы стали свидетелями нового подъема деятельности экстремистских террористических организаций и движений, выступавших на этот раз с религиозно-этнических позиций и добивавшихся главным образом торжества их идеологических и морально-нравственных принципов. Наибольшее распространение радикальные религиозные движения получили в странах мусульманской культуры, что было связано, как уже подчеркивалось, с быстрыми изменениями, происходившими в мире в результате глобализации как в социально-экономической сфере, так и в общественной жизни различных стран и народов. Под воздействием этих кардинальных перемен в исламских обществах возникали течения охранительного толка, решительно выступавшие против модернизации социально-политической сферы, которая, по их мнению, подрывала сами основы исламского мировоззрения и уклада жизни.

Необходимо особо подчеркнуть, что возникновение исламских радикальных, экстремистских течений не было результатом эволюции самого ислама как мировой религии, ибо на протяжении последних десятилетий ислам демонстрировал свою способность модернизироваться и приспосабливаться к быстро меняющимся социально-экономическим и политическим условиям в мире. Источником радикализма и экстремизма становились те течения и организации, которые, как и ультралевые революционеры, стремятся присвоить себе право выступать в качестве единственных истинных выразителей интересов и чаяний народа. Истолковывая по-своему основные положения Корана и сунны, они стремились приспособить их к своей практической деятельности для достижения сугубо политических целей.

В связи с этим, вероятно, некорректно и неправомерно использование таких обобщающих терминов, как "исламский терроризм", "исламская угроза" при характеристике деятельности экстремистских движений и групп в мусульманском мире. Все эти движения и организации, поставившие перед собой цель реисламизации общественно-политической жизни в мусульманских странах, реформирования ее по критериям "чистого", первоначального ислама, относятся, по существу, к особой политической идеологии, которая характеризуется термином исламизм. Российский ученый А. Игнатенко определяет его как "идеологию и практическую деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и сунны)" [Игнатенко, 2000].

Впрочем, исламизм может быть также определен и как религиозно-политическое движение протеста в странах мусульманской культуры, направленное против "глобалистской экспансии" в сфере общественных отношений, выработанных секулярным обществом "новоевропейского Запада". В отличие от фундаменталистов, исла-

мисты в строгом смысле слова выступают не за "возврат" к прошлому, а за подчинение себе путем политической борьбы современного общества и его технических средств [Максименко, 1999, с.10]. В связи с этим они кардинально пересмотрели и понятие *джихада*, переведя его из плана духовного усилия верующего на пути познания Аллаха в план вооруженной борьбы с неверными. Ориентация главным образом на вооруженную борьбу и насильственные методы достижения своих целей неизменно толкали радикалов-исламистов на путь экстремизма и террора. Причем насилие направлялось и против "неправильных мусульман", не приемлющих навязываемого силой нового символа веры. Примером тому могут служить убийство президента Египта Садата, а также и политические убийства и теракты в других мусульманских странах.

Возникшие на базе исламизма группировки и движения впервые выступили как организованная сила еще в 1928 году в Египте, когда ими была образована ассоциация "Братья-мусульмане", провозгласившая своей целью борьбу за освобождение страны от английских колонизаторов и создание истинно исламского государства, живущего по законам шариата. В последующем на основе опыта борьбы "Братьев" были созданы многочисленные исламистские движения и организации, входившие в эту ассоциацию или примыкавшие к ней. Основная посылка ее идеологии заключалась в тезисе: "Аллах - наша цель, пророк - наш вождь. Коран - наша конституция, джихад - наш путь, смерть на пути, предначертанном Аллахом - наше высшее желание" [Левин, 1999, с. 56].

Первоначально в рядах "Братьев-мусульман" объединились находившиеся в оппозиции египетские мусульмане - сунниты. С начала 1940-х годов ассоциация распростирали свою деятельность на Сирию и ряд других арабских государств. С конца 1970-х годов организация приняла активное участие в афганской войне, затем наладила тесное сотрудничество с мусульманским населением Югославии и Албании, стала оказывать помощь пакистанским экстремистским организациям, воевавшим в Кашмире. В итоге к концу 1980-х годов "Братья-мусульмане" преобразовались во всемусульманскую ассоциацию исламских организаций, став фактически международной организацией. К этому времени почти все входившие в нее движения и группы приняли в качестве единой идеологии ваххабизм, который они, однако, трансформировали из официального направления ислама в некое социально-политическое движение, наряду с приверженностью "чистому" исламу характеризующееся крайней нетерпимостью к инакомыслию, фатализмом, отказом человека от свободы воли, фанатизмом [Сидов, 2000]⁹.

В период боевых действий советских войск в Афганистане (1979-1989 годы) "Братья-мусульмане" начали активную деятельность в этой стране, помогая спецслужбам Пакистана, Саудовской Аравии, а также и ЦРУ США развертывать "священную войну" против Советской Армии. На Ближнем Востоке при их участии была создана система лагерей и учебных центров, где готовили и отправляли в Афганистан "борцов за ислам" из арабских стран (общая численность "арабских афганцев", по различным оценкам, достигала от 8 до 15 тыс. человек). В Афганистане воевали и боевики из стран Юго-Восточной Азии, проникающие туда также по каналам "Братьев-мусульман". Все они после окончания войны и возвращения в свои страны сохранили связи с афганскими, пакистанскими и арабскими исламистскими центрами и фондами, через которые стали получать оружие и финансовые средства для формирования боевых групп на местах. С середины 1990-х годов в странах Юго-Восточной Азии активизировалась экстремистская деятельность таких организаций, как "Исламский фронт освобождения Моро" ("Моро" означает "народность") и группа

⁹ Примыкавшие к "Братьям" организации и группы в Южной Азии (Пакистан, Бангладеш), объявлявшие себя приверженцами другой (так называемой деобандийской) школы богословия, по всем основным вопросам теории и практики борьбы за провозглашенные идеалы ислама были близки к ваххабизму.

"Абу-Сайяф" (по имени одного из лидеров экстремистов) на Филиппинах, "Воинство джихада" и Свободный Ачех" (район) в Индонезии, а также мелких экстремистских групп в Малайзии и на юге Таиланда¹⁰.

Во второй половине 1990-х годов, особенно после захвата власти в Кабуле движением "Талибан", Афганистан превратился в главную базу и координационный центр деятельности исламистских организаций в глобальном масштабе, включая и страны Запада. Организационно это международное террористическое сообщество было оформлено после создания в конце 1980-х годов новой, построенной на принципах глубокой конспирации, организации "Аль-Каида", имевшей разветвленную сеть своих структур во всем мире (включая Европу и Северную Америку). Ее возглавил саудовский миллионер Бен Ладен, который создал свои базы в Афганистане еще во время войны с советскими войсками, действуя тогда в контакте с разведывательной службой Пакистана и ЦРУ США. После прихода к власти талибов Бен Ладен установил с ними тесное сотрудничество, предоставляя большие финансовые средства на строительство и содержание баз и учебных центров, которые "Аль-Каида" и "Талибан" использовали для подготовки "воинов ислама" из различных районов мира.

Территория Афганистана была фактически превращена в центральный плацдарм для развертывания глобальной борьбы за воссоздание Великого Халифата, в который предполагалось включить Северную Африку, Аравийский полуостров, страны Ближнего и Среднего Востока, западную часть Индии, Центральную Азию, Закавказье, Северный Кавказ [Кондратьев, 2001, с.4]. В Афганистане формировались и проходили подготовку отряды боевиков для действий в центральноазиатских государствах (Узбекистан. Таджикистан. Киргизия). Так, к 1996 году в Афганистане были сформированы и обучены отряды наиболее многочисленной (до 3 тыс. боевиков) экстремистской организации "Исламское движение Узбекистана", которое начало активно действовать как в Узбекистане, так и в Таджикистане. Конечной целью движения провозглашалось свержение правительства президента И. Каримова и создание в Ферганской долине и прилегающих районах центральноазиатского "Халифата" (как части всемирного исламского государства). Непосредственно с "Аль-Каидой" и "Талибаном" были связаны и экстремистские террористические организации ("Лашкар-и-Таиба". "Джиаш-и-Мухаммад" и др.). находившиеся на территории Пакистана и развернувшие "священный джихад" за освобождение Кашмира от Индии.

Создание "Аль-Каиды" и других законспирированных исламистских структур, активизировавших террористическую деятельность в 1990-х годах, стало реакцией на ускорившуюся в мире глобализацию. По убеждению радикальных мусульманских лидеров, развернувшаяся под руководством и по сценарию США. глобализация уже в недалеком будущем может создать смертельную опасность для исламского мира, разрушив его морально-нравственные устои. Чтобы не допустить этого, истинные защитники ислама должны были перейти в наступление и нанести упреждающие удары по самим центрам западной глобализации и экспансии. Причем основным средством борьбы с мощным в военном и экономическом отношении противником должны были стать масштабные акции террора в глобальном измерении с применением всех возможных средств (включая и оружие массового поражения).

¹⁰ Необходимо отметить, что все эти новые исламистские группировки существенно отличались от классических" повстанческих организаций, на протяжении десятилетий действовавших в различных странах региона: повстанцы, прибегая к террористическим актам, главное внимание уделяли работе среди населения, привлечению его на свою сторону. Вооруженная борьба была лишь одним из аспектов их деятельности, так же как и боевые отряды лишь частью более широкой политической организации (фронта или партии). Террористические же группы, используя методы насилия (убийства, взрывы, похищения людей, захват заложников, шантаж), преследуют цель добиться, прежде всего, психологического эффекта, внедрить чувство страха, растерянности в правительстве и среди населения, тем самым создав условия для достижения своих целей.

Несмотря на успехи в области электронной разведки и информационной войны, США, как известно, не удалось предотвратить удары террористов: взрывы американских посольств в Кении и Танзании (1998 год), подрыв эсминца "Коул" в Аденском порту в Йемене (2000 год) и, наконец, атаку на Всемирный торговый центр и Пентагон.

Человеческий опыт свидетельствует, однако, о том, что какими бы беспросветными не выглядели те или иные стороны общественного развития, они обязательно несут в себе и позитивные моменты. Казалось бы, кроме трагизма, ничего другого не найти в событиях 11 сентября 2001 года. Тем не менее, один из их результатов - создание антитеррористической коалиции, благодаря решительным действиям которой народы Афганистана были освобождены от террора правивших ими последние несколько лет талибов, тесно сотрудничавших с "Аль-Каидой". Был нанесен и сильнейший удар по боевикам этой организации и всей ее структуре, включая источники финансирования; снята угроза исламистской экспансии в среднеазиатские страны СНГ.

Адекватная реакция на эти события российского руководства во главе с президентом В. Путиным дала импульс развитию российско-американских связей, подняв на новую ступень отношения России со всеми странами Запада. Не говоря уже о том, что сближение с государствами коалиции и в первую очередь с США для борьбы с международным терроризмом сделало возможным полноценное участие России в группе 8 наиболее влиятельных стран мира. Это не только открывает перед нами возможности в деле развития рыночной экономики и демократии. Вполне возможно, что включение в эту группу новых государств, таких, например, как Китай и Индия, а может быть, и Бразилия, и будет на практике означать формирование многополярного мира, о необходимости которого сейчас так много говорится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдеррахман Абду Али. Нельзя бороться с террористами, оправдывая колониализм // Независимая газета. 2002. 28 июня.

Большой энциклопедический словарь. М., 1997.

Игнатенко А. От Филиппин до Косово. Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор // Независимая газета. 2000. 12 октября.

Кондратьев В. Активизация деятельности исламских экстремистских организаций // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 11.

Левин З.И. Мусульманское реформаторство и политика // Ислам и исламисты. М., 1999.

Максименко В. Фундаментализм и экстремизм в исламе // Ислам и исламисты. М., 1999.

Паин Э.А. Социальная природа экстремизма // Общественные науки и современность. 2002. № 4.

Ражбаданов М. Самые опасные. Ведущие террористические организации мира и их руководители // Независимая газета. 2001. 23 октября.

Сидов А. Правоверные фанатики // Независимое военное обозрение. 2000. 17 ноября.

© А. Кива, В.Федоров, 2003